

Лян Юаньцин тяжело вздохнул. Не успел он открыть рот, как в его ушах снова раздался плач дочери.

— У-у-у-у... Папа, я не пинала свинью. Ты же знаешь, я пугливая кошка, это она меня ударила. Я не пинала её. Ты меня больше не любишь, я расскажу маме, когда мы вернемся домой.

Отцовская любовь на мгновение ослепила глаза Лян Юаньцина.

Он посмотрел на Цзян Сяомань и сказал:

— Я знаю свою дочь лучше всех, она не такой ребёнок. Извинись перед ней, и я забуду об этом.

Мужчина проигнорировал слова Юй Цинши.

Хотя тот был сыном Юй Вэньчэна, он был всего лишь маленьким ребёнком. Мужчина слышал, что у него была психологическая аномалии, возможно, он даже не мог внятно говорить.

Бояться было нечего.

Лян Юаньцин холодно смотрел на плачущую Цзян Сяомань.

Хотя он и не ударил её физически, такая холодная жестокость ранила детское сердце даже больше, чем бабушкины кулаки.

Во взгляде Лян Юаньцина чувствовалось, что он обвинял её во лжи и нечестности. Это она издевалась и не была хорошим ребёнком.

Цзян Сяомань плакала так сильно, что ей трудно было дышать, но она не извинилась. Девочка отказалась склонить голову и признать свою «ошибку».

Юй Цинши посмотрел на Лян Юаньцина. Выражение его лица было очень несчастным и раздраженным.

Сейчас у него редко случались приступы, но это не значит, что их не будет.

Мальчик был очень раздражён, ему хотелось выйти из себя и разбросать всё вокруг.

Но тут в его ушах раздался плачущий голос Цзян Сяомань.

Он резко поборол раздражение, которое росло внутри него, и вернулся к своему бесстрастному лицу.

Он сказал безразличным голосом:

— Раз вы не верите, давайте посмотрим запись с камер наблюдения.

— Ч... что? — Лян Юаньцин был ошеломлён.

Даже Лян Сьюй, которую он держал на руках, перестала плакать. Её глаза выглядели испуганными и растерянными. Когда она смотрела на Юй Цинши, ей казалось, что это был дьявол.

— Я сказал, раз вы мне не верите, давайте посмотрим запись с камер наблюдения, — Юй Цинши вытянул палец и указал на угол маленького сада, где была установлена камера наблюдения. — Я позову папу.

Лян Юаньцин не знал, почему ему вдруг стало страшно. Он покрылся холодным потом. Прежде чем мужчина успел что-то сказать, Юй Цинши крикнул «Папа!».

Юй Вэньчэн тут же бросился к выходу.

Он как раз собирал документы в кабинете и не слышал шума в маленьком саду.

— Что случилось, сынок?

Юй Цинши сказал:

— Этот ужасный ребёнок пнул свинью Сяомань и сказал, что это свинья ударила её. Она же не капуста, зачем свинье бросаться на неё?

Лян Сьюй на мгновение удивилась, а потом громко закричала.

— У-у-у-у-у! Папа, папа, пойдём скорее домой, я больше не хочу здесь оставаться. Я не хочу, я не хочу, я не кусок капусты...

Она начала создавать проблемы и вести себя неразумно.

Лян Юаньцин неловко улыбнулся, временно растерявшись, что сказать.

— Это... это недоразумение... Господин Юй, пожалуйста, позвольте мне объяснить.

Юй Вэньчэн не знал, было ли это недоразумение или нет, но если его сын попросил о чём-то, он обязательно поможет. Кроме того, Цзян Сяомань очень жалобно плакала. Юй Вэньчэн увидел это и очень разозлился. Он немедленно приказал людям принести запись с камер.

Юй Вэньчэн действовал очень быстро. Лян Юаньцин ещё не успел придумать, как всё объяснить, когда принесли монитор.

На экране было видно, как Цзян Сяомань отчаянно сдерживала Аромата, и ей удалось держать его на расстоянии. Но Лян Сыюй внезапно бросилась вперёд и пинала свинью, пока та не отскочила назад.

Всё вокруг стало превращаться в хаос.

У Юй Вэньчэна было такое лицо, будто он не знал, смеяться ему или плакать, когда он смотрел на Лян Юаньцина и Лян Сыюй, которая плакала у него на руках. Он ничего им не сказал, а повернулся к плачущей Цзян Сяомань:

— Иди к дяде.

Цзян Сяомань послушно подошла. Её обида была выше неба и глубже моря, и она не могла перестать рыдать.

— Хорошая девочка. Дядя знает, что ты не такой уж неразумный ребёнок. Тебе не нужно ни перед кем извиняться, ты не сделала ничего плохого.

Его слова означали, что Лян Сыюй была неразумным ребёнком.

Цзян Сяомань нашла союзника. Она не могла дожждаться, чтобы прижаться к нему, кричала «дядя Юй», плача в его объятиях.

Юй Цинши смотрел на неё не мигая.

Его отец обнимал Цзян Сяомань, в то время как он мог обнимать только Аромата. Обычно он бы ревновал. Но, видя, что Сяомань сегодня была очень обижена, он разрешил ей на время взять его отца. Только на время.

Аромат несколько раз хрюкнул, пытаясь укусить Юй Цинши за руку, но тот безжалостно отругал его.

Он не был Цзян Сяомань и не обладал таким терпением, как она.

Лян Юаньцин слушал, как плакала его дочь, и внутренне переживал. В конце концов, она была его дочерью, и он не мог не заботиться о ней.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/47684/1865368>